

ренным и независимым, демократическим, социальным и правовым государством [1].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что обеспечение права на судебную защиту возможно лишь при создании надлежащих структур, законодательном закреплении соответствующих процедур и механизмов, с помощью которых человек сможет добиться защиты нарушенных прав и интересов.

Список использованной литературы:

1. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. // ВВР України. – 1996. – № 30. – Ст. 141 (зі змінами).
2. Кодекс адміністративного судочинства України : Кодекс, Закон від 6 липня 2005 р. № 2747-ІУ // ВВР України. – 2005. – № 35-36, № 37. – Ст. 446 (зі змінами).
3. Науково-практичний коментар до Кодексу адміністративного судочинства України / за заг. ред. С.В. Ківалова, О.І. Харитоновой. – Х. : ТОВ «Одисей», 2005. – 787 с.
4. Кожухарь А.Н. Право на судебную защиту в исковом производстве / А.Н. Кожухарь. – Кишинев, 1989. – 675 с.
5. Зайцев И.М. Административный иск / И.М. Зайцев // Российская юстиция. – 1996. – № 4. – 235 с.
6. Судебно-юридическая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sud.ua/news/2016/01/29/86230-novoj-konstitutytsii-v-chasti-pravosydiyabit>.

РОЛЬ ВОЕННОГО И ВОЕННО-МОРСКОГО ПРОКУРОРОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Василий ГОРБАЧЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз
Донецкого юридического института МВД Украины

Summary

The article is devoted to research the role of the military and naval prosecutors in the initiation of criminal prosecution after the military-judicial reform in the Russian Empire. It is concluded that unlike the Prosecutor of the civil authority, who has the right to independently initiate the criminal prosecution, military and naval prosecutors do not have such a right. In matters of the initiation of proceedings they had limited ability. Considered are the issues of supervision of the legality of taking by military investigators of criminal cases to the production.

Key words: military Prosecutor, military investigator, initiation of criminal prosecution, preliminary investigation.

Аннотация

В статье анализируется роль военного и военно-морского прокуроров в возбуждении уголовного преследования после проведения в Российской империи военно-судебной реформы. Сделан вывод о том, что, в отличие от прокурора гражданского ведомства, который имел самостоятельно возбуждать уголовное преследование, военные и военно-морские прокуроры не имели такого права. В вопросах возбуждения уголовных дел они имели ограниченные возможности. Рассмотрены вопросы надзора за законностью принятия военными следователями уголовных дел к своему производству.

Ключевые слова: военный прокурор, военный следователь, возбуждение уголовного преследования, предварительное следствие.

Постановка проблемы. Одним из центральных субъектов уголовного процесса является прокурор. В связи с этим его правовому положению уделяется значительное внимание исследователей. С учетом того, что для успешного решения современных проблем необходим анализ исторического опыта, актуальным является изучение различных аспектов деятельности прокуратуры Российской империи, в составе которой выделялась прокуратура гражданского ведомства и военная прокуратура.

Актуальность темы. Имеющиеся исследования деятельности прокуратуры Российской империи посвящены, в основном, прокуратуре гражданского ведомства, а истории военной прокуратуры уделено недостаточное внимание. В дореволюционный период вопросы военно-судебной реформы изучали С.С. Абрамович-Барановский, А.Н. Анисимов, П.В. Иванов, А.С. Лыкошин, В.Н. Мартынов, Л.О. Плошинский, А.П. Томсен и др. В советский и современный период этот вопрос

изучали О.В. Григорьев, Т.Н. Ильина, Н.А. Петухов, В.А. Шагаев, К.П. Краковский, А.Н. Ярмыш и др. Однако в работах современных исследователей недостаточно освещена роль военного прокурора на начальном этапе расследования.

В связи с этим целью статьи является анализ роли военного и военно-морского прокуроров в возбуждении уголовного преследования после проведения в Российской империи военно-судебной реформы, а также вопросов надзора за законностью принятия или отказа в принятии военными следователями уголовных дел к своему производству.

Изложение основного материала. В Российской империи наряду с прокуратурой гражданского ведомства существовали военная и военно-морская прокуратуры. Их деятельность в уголовном процессе регулировалась Военно-судебным уставом (далее – ВСУ) [1] и Военно-морским судебным уставом (далее – ВМСУ) [2], которые были утверждены 15 мая 1867 года.

При реформировании военно-уголовного судопроизводства его основные положения по возможности согласовывались с «Основными положениями преобразования судебной части в России» 1862 года [3]. Отступления от них допускались только в тех случаях, когда они оправдывались «необходимостью или пользою военной и морской службы» [4, с. XV]. В Военно-судебном уставе подробно и буквально повторялись все те статьи Судебных уставов, которые были обязательны и для военных судов [5, с. 2, 4]. А Военно-морской судебный устав был согласован с Военно-судебным уставом. Однако одной из главных особенностей этих уставов было то, что, в отличие от гражданского ведомства, где администрация была отделена от суда, в военном ведомстве этого сделано не было. Военное начальство было наделено судебно-административной властью [6, с. 1].

Должностные лица военной прокуратуры, как и другие должностные лица военно-судебного ведомства, находились в составе Военного министерства, а должностные лица военно-морской прокуратуры – в составе Морского министерства. Этим объяснялись особенности правового статуса военных и военно-морских прокуроров, по сравнению с прокурорами гражданского ведомства, в том числе в вопросах возбуждения уголовного преследования.

В гражданском ведомстве судебное преследование возбуждалось как должностными, так частными лицами (ст. 2 Устава уголовного судопроизводства – далее УУС [7]). Уголовное дело могло быть возбуждено прокурором, а также судебным следователем при наличии законных поводов или по своему непосредственному усмотрению. Если поступала жалоба потерпевшего, то ни судебный следователь, ни прокурор не имели право отказать в проведении следствия (ст. ст. 297, 303 УУС). В гражданском ведомстве «вся преследовательная власть» за противозаконные деяния сосредотачивалась в руках следователя и прокурора, которые имели право начинать следствие по их собственному усмотрению [8, с. 54].

В военном ведомстве положение было иным. Комиссия по подготовке военно-судебной реформы не приняла

некоторые положения общего уголовного судопроизводства, в том числе положение о том, что «власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурорам». По мнению комиссии, это правило было неприменимо к военному судопроизводству, так как первоначальное преследование противозаконных деяний в военном ведомстве принадлежало военным начальникам, а деятельность военного прокурора начиналась преимущественно с того времени, когда обвиняемый был предан суду [8, с. 48–49].

В подготовительной комиссии обсуждался главный вопрос о том, возможно ли в военном ведомстве по первоначальному преследованию преступлений прокурорскую власть и следователя поставить в то же положение и в те же отношения, в каких они находились в гражданском ведомстве. Комиссия пришла к выводу о том, что в военном ведомстве нельзя допустить непосредственных действий военных прокуроров и следователей без ведома начальников. Такое самостоятельное вмешательство прокурора и следователя в дела, подведомственные военным начальникам, повело бы на практике к самым неприятным столкновениям между законными органами «преследовательной власти» и военными начальниками [8, с. 50, 55]. Существенное отличие порядка возбуждения уголовного преследования в военном ведомстве вытекало из особенных условий военной службы, «ввиду которых невозможно, без потрясения порядка службы и дисциплины, предоставить на волю каждого начинать в военном ведомстве судебное преследование без ведома и дозволения начальства» [9, с. 325].

Комиссия считала необходимым «положить резкую черту между властью военных начальников и властью военных прокурора и судебного следователя». При этом она отмечала, что власть военного прокурора и военного следователя по преследованию преступлений должна начинаться лишь там, где кончается дисциплинарная власть военных начальников и власть полковых судов [8, с. 55].

Рассмотрев вопрос о том, кому должно принадлежать право начинать следствие, комиссия пришла к заклю-

чению, что в военном ведомстве военный прокурор и военный следователь не должны иметь такое право. Комиссия признала необходимым установить «то коренное правило», что военный следователь должен приступать к предварительному следствию не иначе, как по сообщениям военных начальников [8, с. 53, 54, 56]. Было признано, что власть возбуждения следственных и судебных дел в военном ведомстве принадлежит военным начальникам [9, с. 345]. Такие выводы были основаны на том, что военные начальники были обязаны «блюсти в подведомственных им частях порядок и благочиние, пресекать всякое зло, обнаруживать преступные деяния»; для этого они были наделены властью подвергать виновных незначительным наказаниям, предусмотренным в Дисциплинарном уставе. В силу лежавшей на военных начальниках обязанности первоначального обнаружения преступных деяний и ввиду их полномочий разбирать и решать дела о маловажных проступках они не могли быть поставлены в те же отношения к органам «военной преследовательной власти», в каких в гражданском ведомстве находились прокуроры и судебные следователи к административным и полицейским учреждениям [8, с. 54, 55].

С.С. Абрамович-Барановский отмечал, что свойства военно-административной власти совершенно не допускали учреждение в военном ведомстве особых органов обвинительной власти, которые преследовали бы виновных в совершении преступных деяний и привлекали бы их к судебной ответственности самостоятельно и независимо от военного начальства. Такой порядок неминуемо нарушил бы единство командования армией и наряду с военной властью создал бы другую сильную власть в военном ведомстве, с которой военному начальству всегда приходилось бы считаться. По утверждению указанного исследователя, в военном ведомстве обвинительная власть всецело должна сливаться с военно-административной, т.е. с властью военного начальства, в том смысле, что обнаружение преступных деяний, совершаемых в военном ведомстве, и привлечение виновных к ответственности перед военным судом должны принадлежать только соответствующим

военным начальникам, с устранением всякого постороннего вмешательства [10, с. 17–18].

В результате рассмотренных мотивов подготовительной комиссии закон установил, что судебное преследование в военном и морском ведомствах возбуждалось только военными и военно-морскими начальниками, предварительное следствие проводилось только по их распоряжению (ст. ст. 214, 253, 434 ВСУ, ст. ст. 207, 244, 425 ВМСУ).

В отличие от прокуроров гражданского ведомства военный и военно-морской прокуроры не имели право своей властью возбуждать следственное производство [9, с. 325]. Деятельность военного прокурора начиналась только с того момента, когда уголовное преследование уже было возбуждено военным начальством [10, с. 83–84]. С.С. Абрамович-Барановский указывал, что военному начальству принадлежало право возбуждения уголовного иска по делам, право возбуждения деятельности военно-судебных органов, а военной прокуратуре закон предоставил поддержание уголовного иска перед этими органами [10, с. 87]. Поэтому все законные требования военного начальства о возбуждении преследования и предании обвиняемых военному суду должны быть обязательны для военного прокурора, и сама деятельность последних должна быть ограничена только пределами того обвинения, которое было предъявлено военным начальством [10, с. 88].

Несмотря на то, что военный прокурор не имел право своей властью возбудить уголовное дело, он имел определенное влияние на решение этого вопроса: 1) он принимал участие в разрешении жалоб на отказ военного начальника в производстве предварительного следствия и 2) имел право инициировать проведение следствия.

Если по заявлению или жалобе военный или морской начальник отказал в производстве следствия, то недобровольный отказ имел право принести жалобу на такого начальника его непосредственному начальству. Такая жалоба направлялась военному или военно-морскому прокурору для его заключения. При несогласии военного или морского начальника с мнением прокурора он представлял дело начальству для внесения возникшего разногласия

на разрешение Главного военного суда или Главного военно-морского суда (ст. 419 ВСУ, ст. 410 ВМСУ). Участие военного прокурора в рассмотрении жалоб на отказ в производстве следствия рассматривалось как гарантия для частных лиц того, что приносимые ими жалобы на военнослужащих «будут всегда подвергаться тщательному и основательному рассмотрению и не могут быть по произволу начальника оставлены без уважения» [9, с. 855].

Среди поводов к распоряжению военных и военно-морских начальников о начале предварительного следствия были сообщения военных и военно-морских прокуроров (ст. 409 ВСУ, ст. 400 ВМСУ). Если последним становились известны сведения о преступлениях военнослужащих или морских чинов, не относившихся к нарушениям обязанностей по службе, но подведомственных военному суду, то они сообщали об этом ближайшему военному или морскому начальнику. И если этот начальник оставлял данное сообщение без внимания, то прокурор докладывал об этом непосредственному высшему начальству и Главному военному прокурору или Главному военно-морскому прокурору (ст. 421 ВСУ, ст. 412 ВМСУ).

Такая редакция закона была принята после определенных дискуссий. Комиссия по подготовке проекта основных положений военно-судебной части исходила из того, что лишение военного прокурора всякого влияния в вопросе возбуждения дел «было бы несогласно с интересами истины». В случаях, когда военному прокурору становилось известно о преступлении раньше, чем военному начальнику, комиссия полагала невозможным предоставить военным прокурорам безусловное право требовать производства следствия, однако считала, что военные прокуроры могут делать представления военным начальникам и главному военному прокурору. А в какой степени следует предоставить это право военному прокурору, мнения членов комиссии разошлись. Большинство членов комиссии полагало, что военные прокуроры могут делать такие представления только по преступлениям, не касающимся службы. Это мнение основывалось на том, что интересы службы оградятся везде исключительно надзором начальника. На этом основании и в

гражданском ведомстве прокурорам не было дано никакой власти для надзора за преступлениями против службы и установлено, что они входят в рассмотрение противозаконных действий по службе только тогда, когда обвиняемые будут преданы суду начальством. Кроме того, отмечалось, что подобное право прокуроров, распространяемое и на дела по службе, может привести к неуместному вмешательству с их стороны в действия начальников и к прекращению властей [8, с. 56–57].

Два члена комиссии полагали, что прокурорам необходимо предоставить право делать представления военным начальникам по сведениям о всех особо важных преступлениях. Они исходили из того, что, если в военном ведомстве при судах учреждаются органы обвинительной власти, имеющие главным назначением обнаружение и преследование преступлений, совершающихся в военном ведомстве, то лишение прокуроров возможности оглашать известные им и, возможно, умышленно скрываемые важные преступления по службе было бы несовместимым ни с этим особым назначением прокуроров, ни с интересами истины [8, с. 57].

В результате была принята редакция закона, которая устраняла прямое вмешательство прокуроров в дела военных начальников, несколько не ограничивала принадлежавшей им власти преследования преступлений, но вместе с тем открывала для высшего начальства возможность обнаруживать такие преступления, которые могли бы остаться сокрытыми [8, с. 58].

После возбуждения судебного преследования военным начальником военный прокурор осуществлял надзор за законностью принятия и отказа военного следователя от принятия дел к своему производству.

Если военный следователь считал, что порученное ему военным начальством дело не подлежало его производству, то возвращал такое дело обратно военному начальнику со своим постановлением и уведомлял об этом военного прокурора. Если военный начальник не соглашался с мнением следователя, то представлял дело военному прокурору, который обязан был составить по нему свое заключение и немедленно представить его вместе с делом высшему в порядке подчиненно-

сти военному начальнику, от которого зависело окончательное разрешение вопроса о дальнейшем направлении дела (ст. 347 ВСУ) [11, с. 101]. По разъяснению Главного военного суда такой же порядок должен был соблюдаться и в тех случаях, когда военный следователь при производстве предварительного следствия усматривал, что дело подсудно не военному суду, а суду гражданского ведомства [10, с. 261].

А «Инструкция военно-прокурорскому надзору военно-окружных судов» 1890 года определяла, что если военный следователь не принимал к своему производству дело по законным причинам, то военный прокурор, получив об этом уведомление следователя, запрашивал военного начальника, назначившего следствие, о сделанном им распоряжении по указанному постановлению военного следователя. А усмотрев неправильный отказ военного следователя от принятия к своему производству дела, переданного военным начальством, военный прокурор должен был немедленно поставить об этом в известность военного начальника, назначившего следствие (ст. ст. 11, 12) [12, с. 50–51].

Военный прокурор осуществлял также надзор за законностью принятия дел к производству. В случае принятия военным следователем к производству дела, не подлежавшего вовсе ведению военного следователя, или же дела, подлежавшего производству другого военного следователя, военный прокурор немедленно доводил об этом до сведения председателя военно-окружного суда (ст. 13) [11, с. 51].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, в отличие от прокурора гражданского ведомства, который имел право самостоятельно возбуждать уголовное преследование, военные и военно-морские прокуроры не имели такого права. В вопросах возбуждения уголовных дел они имели ограниченные возможности. Военный и военно-морской прокуроры сообщали военному начальству о ставших известными им преступлениях военнослужащих, однако эти сообщения были только одним из законных поводов к распоряжению военного начальника о начале предварительного следствия. Прокуроры принимали участие в решении жалоб на отказ военного на-

чальника в производстве предварительного следствия, осуществляли надзор за законностью принятия и отказа военными следователями в принятии дел к своему производству.

Список использованной литературы:

1. Военно-судебный устав : Высочайше утвержден 15 мая 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44575. – СПб., 1871.

2. Военно-морской судебный устав: Высочайше утвержден 15 мая 1867 г. // ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44576. – СПб., 1871.

3. Основные положения преобразования судебной части в России : Высочайше утверждены 29 сентября 1862 года // ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 37. – Отд. 2. – № 38761. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1865.

4. Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – XV, 936 с.

5. Военно-судебный устав (XXIV кн. св. воен. пост. 1869 г.). Разъясненный и дополненный / Сост. А. Анисимов и В. Мартынов. – Варшава : Тип. Варшавского жандармского округа, 1871. – 474, X с.

6. Гуров С. Возбуждение предварительного следствия по военно-судебному уставу / С. Гуров // Судебный вестник. – 1876. – № 121.

7. Устав уголовного судопроизводства : Высочайше утвержден 20 ноября 1864 года // ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 39. – Отд. 2. – № 41476. – СПб., 1867.

8. Объяснительная записка к проекту основных положений преобразования военно-судной части // Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – XV, 936 с.

9. Объяснительная записка к проекту военно-судебного устава // Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – XV, 936 с.

10. Абрамович-Барановский С.С. Значение военного начальства в воен-

но-уголовном судопроизводстве. Сравнительное исследование взаимных отношений судебной, административной и обвинительной властей в области уголовного процесса по общему и по военному праву. Издано при содействии Военно-юридической академии / С.С. Абрамович-Барановский. – СПб. : Тип. Д.В. Чичинадзе, 1896. – 454 с.

11. Устав военно-судебный : разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству и циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления по 1 января 1894 года / сост. пом. воен. прокурора Н. Мартынов. – 6-е изд. – С.-Петербург : Тип. Контрагентства ж. д., 1894. – VIII, 521 с.

12. Инструкция военно-прокурорскому надзору военно-окружных судов (утверждена приказом Военного министра № 258 от 19 октября 1890 года) // Военный сборник. – 1891. – № 1. Январь. – Часть 2.